Долгое время никто не говорил Вэй Цинъюй «спокойной ночи», и никто не относился к Вэй Цинъюй так по-доброму. Цзи Сяоинь была неуверенной, высокомерной и надменной. Вэй Цинъюй был первым человеком, который столкнул ее в пропасть после падения в жизненный кризис, но он же был первым, кто ее нашел. Кто же теперь такая Цзи Сяо? Этот вопрос Вэй Цинъюй задал сам себе. За день до праздника к полуосеннему равноденствию вынесли вердикт о наказании Лю Мэйны и директора Лю. Лю Мэйну арестовали на испытательный срок, угрожая ей, и семья Лю не могла ничего сделать. Это пятно навсегда будет в досье Лю Мэйны. Директора Лю, бесполезного приемного сына матери Лю Мэйны, понизили до уровня общего инспектора и навсегда исключили из педагогического коллектива. Утреннее солнце проникало сквозь длинные и узкие панорамные окна, его свет ярко и нежно озарял комнату.

Цзи Сяо сидела у обеденного стола, глядя в телефон, для чего задрала ноги и поставила их на стол, отчего передние ножки стула висели в воздухе. Всем своим видом она выражала циничное равнодушие.

Еще вчера она читала сводку на официальном сайте школы, и лучистые глаза ее лукаво смеялись.

Это было такое прекрасное событие, что сколько бы ни приходилось его перечитывать, надоесть оно ей никак не могло.

Тут по лестнице, ведущей из холла, послышались шаги.

Вы одетая в светло-голубое платье Вэй Цинъюй спускалась вниз.

Ее длинные черные как смоль волосы лежали на груди гладко и блестяще, из-под которых сверкала маленькая серебряная брошь.

У нее по-прежнему не было никакого выражения лица, тонкие ресницы опущены, прикрывая бирюзовые зрачки, по которым нельзя было понять, что у нее на уме.

В этом доме Вэй Цинъюй почти не замечали, и даже тетя У, видя ее, даже не обращала на нее внимания, продолжая заниматься своими делами.

Цзи Сяо заметила, что на плече у нее сумка, как будто она собирается куда-то уйти.

— Эй, Цинъю, куда направляешься на праздник середины осени? — откинулся на стуле Цзи Сяо, провожая взглядом Уэй Цинъю, что прошла мимо него.

— Захоронения наведаю. — Отвечала та небрежно.

Сяо изумленно протянул:

— А-а.

Внезапно он припомнил прочитанное в книге, будто бы Цинъю никогда не упускала празднование середины осени, потому что день рождения её матери по лунному календарю приходился на этот праздник.

Этот год стал первым, как мать её скончалась, первым, когда она посещала могилу матери в день её рождения.

Праздник середины осени — день семейных воссоединений, потому при одной мысли о Цинъю,

одиноко бродящей среди холодных надгробий, чтобы почтить память родителей, в сердце Цзи Сяо кольнуло.

Городские кладбища расположены в пригороде. Чтобы добраться туда, нужно более десяти минут ехать по шоссе, а если от центра, то и вовсе придётся сделать крюк.

Раз на праздник выдались выходные, то куда лучше будет, если Цинъю вернётся к полудню.

Цзи Сяо легонько потерла нос и махнула рукой: «Сегодня я в хорошем настроении. Я скажу водителю, чтобы он отвез вас туда».

У Вэй Цинюй сбилось движение при переобувании, затем она неприметно переобула другую ногу и холодно ответила: «Не надо».

Цзи Сяо знала, что Вэй Цинюй ответит именно так, и была привычна к её манере отталкивать людей от себя на тысячи километров.

Она немного повысила тон и произнесла важным тоном: «Когда я сказала водителю отвезти вас, он отвезёт вас. К чему столько лишних слов!»

Сказав это, Цзи Сяо больше не дала Вэй Цинюй возможности отказаться, и приказала: «Тётя Ву, позови водителя, пусть подготовит и выгонит из гаража лучшую машину!»

«Да», — почтительно ответила тётя Ву, быстро отбросила свои дела и связалась с водителем.

Ранним утром на дороге в канун Праздника середины осени были машины, направляющиеся домой для семейного воссоединения. В этом бурном потоке на высокой скорости проехал автомобиль Maybach Landaulet.

Ослепительный и чисто-белый корпус заставил всех водителей замереть в удивлении и уступить дорогу. Все водители и пассажиры устремили пылкие и новые взгляды на эту роскошную машину, но лишь малый кусочек изящества мелькнул на заднем сиденье. Профиль.

Вэй Цинъюй спокойно сидела на комфортабельном заднем сиденье, ещё удивляясь тому, что произошло сейчас.

Она посмотрела на высокие здания, которые удалялись из поля её зрения, а семейный особняк Цзи давно исчез.

Цзи Сяо послал ей лучшую машину в семье, только потому что сегодня у него хорошее настроение?

Когда автомобиль въехал на мост, яркий солнечный свет отразился в озере, сверкая ослепительным блеском. Вэй Цинъюй прищурилась.

Она не понимала этого, она просто закрыла глаза и отпустила ситуацию.

С таким роскошным автомобилем в качестве поддержки Вэй Цинъюй приехала на кладбище менее чем за пятнадцать минут.

Это второй раз, когда она приезжает сюда за последние полгода.

Вэй Цинъюй вышла из машины, и голубое небо не подавало никаких признаков дождя.

Шторм бушевал в памяти, перемежаясь с явью, полной солнца и света. Ступая по чистым каменным плитам, Вэй Цинъюй все еще ощущал под ногами сырость того дня.

Девушка подошла к могильной плите с букетом гиацинтов — любимых цветов ее родителей, поставила букет на могилу, сдвинула колени и медленно опустилась на землю.

Увидев на плите фотографии родителей, она почувствовала, как горячие слезы затопили ее бирюзовые глаза.

Вэй Цинъюй взглянул на вечно прекрасное лицо своей матери, изображенное на надгробии, и своей изящной рукой смахнул с фотографии пыль.

Крепко сжав губы, она выдавила улыбку и тихим, дрожащим голосом прошептала: «С днем рождения, мам».

«Со мной все хорошо. Не волнуйся обо мне».

Вэй Цинъюй говорил, его невинно-белое лицо озаряла улыбка, которая успокоила бы любого родителя.

Но его глаза были все более красными.

После этих двух фраз вокруг воцарилась абсолютная тишина

Ветер нежно колыхал лепестки гиацинта, и круглая слеза упала в тычинки. Худое тело девушки сильно дрожало, и она уткнулась лицом в руки, пытаясь изо всех сил не дать родителям увидеть, что она потеряла над собой контроль. Ветер ударил в ее спину, взметнул ее длинные волосы и осторожно опустился ей на спину, словно обнимая ее. «Тише, я знал, что ты придешь сегодня». Неожиданно сверху из-за головы Вэй Цинъюй раздался мужской голос, и Вэй Цинъюй поспешно вытерла слезы с лица и подняла глаза. Цзи Цинъюнь стоял в стороне. В своем костюме и туфлях из натуральной кожи он возвышался, закрывая собой большой участок солнечного света. Вэй Цинъюнь оказалась ошеломлена. «Дядя Цзи…» Девушка смотрела на него, а из ее глаз текли слезы, и она слегка покраснели. Цзи Цинъюнь почувствовал зуд в сердце, увидев ее такой. Он слегка улыбнулся и положил цветы, которые были у него в руке, на могилу матери Вэй Цинъюнь. «Сегодня Манянь родилась, я пришел навестить и ее тоже».

«Ладно», — отвечал Вэй Цинъюй и встал с земли, спокойно сохраняя дистанцию с Цзи Цинъюнем.

«Пойдем, уже почти полдень, дядя приглашает тебя на ужин. Праздничный ужин. У нашей семьи сегодня будет большой сбор», — Цзи Цинъюнь направился к руке Вэй Цинъюя.

Вэй Цинъюй непринужденно вытащила свой мобильный телефон и увернулась от руки Цзи Цинъюня: «Тогда я должна написать сообщение Цзи Сяо, чтобы она тоже пришла».

Цзи Цинъюнь промахнулся и сердито отдернул руку и подозрительно спросил: «Ты снова наладила отношения с Сяосяо?»

Вэй Цинъюй не ответила, вместо этого она действительно написала сообщение Цзи Сяо: [Дядя Цзи приглашает нас на ужин. Будь готова.]

Затем она посмотрела на Цзи Цинъюня и сказала: «Куда мы идем?»

Просмотрев сообщение Вэй Цинюй, отправленное на сотовый телефон Цзи Сяо, Цзи Цинъюнь смущённо улыбнулся и сказал: «Не беспокойтесь, сначала съездим в Ваш старый дом. Аукцион проектов состоится на следующей неделе. Я попросил одного хорошего знакомого узнать всю информацию. Если получится заполучить эту возможность, то нужно отправляться сегодня же».

Изначально спокойные глаза Вэй Цинюй побагровели от шока.

Она знала, что в силу обстоятельств Цзи Цинъюня их дом наверняка со временем выставят на торги, но не ожидала, что это произойдёт так неожиданно.

Ей не хотелось находиться наедине с Цзи Цинъюнем, но только он мог забрать её с собой.

Облака проплывали мимо, заслоняя яркий солнечный свет и причиняя неудобства.

Вэй Цинюй украдкой посмотрела на Цзи Цинъюня, который открывал для неё дверь автомобиля, и села в автомобиль, которым она управляла сама.

Она должна отправиться вместе с ним туда, где хранились самые прекрасные и незабываемые воспоминания о её семье.

Хотя нельзя сказать, что особняк Вэй в Городе А является самым шикарным, но он самый уютный.

На фоне красного кирпича и белых плиток, перед дверью росли ветви камфарного дерева со множеством листьев. Вэй Цинъюй стоял за стеной двора, увитой виноградными лозами с розами. Дни, которые он и его родители здесь проводили, по ощущениям вчера были.

Вэй Цинъюй постоял в гостиной и огляделся. Всё ещё стояло в том же виде, в котором было, когда его выгнали из этого дома.

Лишь странный запах, не то плесени, не то феромонов, заставил Вэй Цинъюя поморщиться.

«Цинъюй, ты похудел», — произнёс Цзи Цинъюнь, стоящий рядом и глядя снизу вверх на Вэй Цинъюя.

«Дядя Цзи…» – Вэй Цинъюй настороженно сделал шаг назад, держась от Цзи Цинъюня на расстоянии.

«Цинъюй, дядя очень хочет с тобой хорошо обращаться», — слова Цинъюня звучали искренне, а в глазах читалась неподдельность. — «Давай иди с дядей, и дядя всё тебе даст».

«Не нужно… Мне ничего не нужно», — у Вэй Цинъюя от услышанного даже стало дурно, он сделал шаг назад и пошарил в кармане юбки в поисках чего-то.

«Хоть сколько времени я буду фотографировать для тебя этот дом». Цзи Цинъюнь подошёл и взял Вэй Цинъю за руку.

«Не хочу!» Вэй Цинъю сердито закричал. Рука, которая только что рылась в кармане, судорожно сжимала открытый ручной подавитель, который он направил в сторону Цзи Цинъюня.

Острая игла воткнулась в руку Цзи Цинъюня, и на ней тут же появилось кровавое пятно.

Цзи Цинъюнь держался за руку от боли, его лицо было искажено от страдания, а по швам его рук стекала ярко-красная кровь.

Вэй Цинъю взглянул на кровавое пятно на бордово-красном полу, голова его закружилась, и он в панике поднялся по лестнице.

Странный запах в комнате становился всё сильнее с каждой минутой, и Вэй Цинъю с ужасом обнаружил, что с его телом происходит что-то неладное.

Стало тяжело глотать, ноги стали тяжёлыми.

Вэй Цинъю посмотрел на дверь комнаты совсем рядом с ним, взял ручку и изо всех сил попытался её открыть.

Оказалось, что Цзи Цинъюнь заранее поставил капкан в этой комнате, только и дожидаясь, когда он сам бросится в сети.

Чувство света начало гаснуть во взоре Вэй Цинъюй, а запах некачественного мускуса со всех сторон обдал ее тело.

Мир вращался, Вэй Цинъюй тяжело облокотилась на дверь в комнату, трясущимися руками запирая ненадежную дверь.

Ее пять чувств усилились, и она отчетливо услышала шаги Цзи Цинъюнь с лестничной клетки.

Каждый раз наступая ей на сердце.

Оконная решетка разделила небо на несколько частей, и Вэй Цинъюй смотрела на золотые солнечные лучи печально улыбаясь уголком рта.

Единственный человек, о котором она могла думать в это время, был Цзи Сяо.

http://tl.rulate.ru/book/4215/125846